

ОТМЕНА КРЕПОСТНОГО ПРАВА И РУССКИЕ ПОМЕЩИКИ В ОЧЕРКЕ «УВЕРТЮРА» ИЗ ЦИКЛА «ОСКУДНЕНИЕ» С.Н. ТЕРПИГОРЕВА (С. АТАВЫ)

В. А. ШАПОВАЛОВ

*Белгородский
государственный
университет*

*e-mail:
Shapovalov@bsu.edu.ru*

В статье рассматриваются взгляды С.Н. Терпигорева на причины дореформенного разорения поместного дворянства, социально – психологическое восприятие им реформы отмены крепостного права и трудности первых пореформенных лет перестройки поместных хозяйств.

Ключевые слова: дворянин, крепостные крестьяне, отмена крепостного права, социальная психология.

Среди русских писателей, отразивших в своих произведениях пореформенное переустройство поместного дворянства, особое место занимает С.Н. Терпигорев, писавший под псевдонимом С. Атавы. Фактически первый его биограф П. Быков так охарактеризовал основное литературное направление Терпигорева: «Беспощадный и ревностный летописец эпохи всероссийского оскуднения, талантливый беллетрист, создавший огромную, яркую картину борьбы за существование нашего дворянского сословия»¹. Быков тонко подметил главную творческую черту писателя – «ревностный летописец», указывающий на прекрасное, до мельчайших деталей, знание сложности эволюции великорусского помещичьего быта и трансформации дворянской социальной психологии накануне отмены крепостного права и в первые пореформенные десятилетия. Сергей Николаевич и сам указывал на свое место в русской литературе с позиции летописца: «Прежде всего я вовсе не писатель. Я до известной степени грамотный и наблюдательный человек, и только. Мне довелось видеть и наблюдать такие факты, которые, как я убедился потом, к сожалению, даже по слуху неизвестны очень многим настоящим писателям. Это, конечно, досадно. Они из такого материала могли бы наделать много превосходных романов и повестей. Я ничего такого не могу написать. Но ведь я и не брался ни за что подобное. Я просто рассказываю, что я видел... Мне дороже всего, чтобы мои картинки были как можно более верны действительности, и чтобы освещение их было тоже самое настоящее, верное. Вот и все»².

Главное для автора – реальность сюжета, переломленная через психологизм выведенных им типичных для провинции помещиков. И когда в январском номере «Отечественных записок» за 1880 год стали печататься очерки, подписанные псевдонимом С. Атава, под названием «Оскуднение. Очерки, заметки и размышления тамбовского помещика», они вызвали большой резонанс у читающей публики, которая вначале заподозрила, что С. Атава – новый псевдоним Салтыкова-Щедрина³. На столько был яркий, живой и ироничный язык писателя Терпигорева.

С.Н. Терпигорев родился 12 мая 1841 года в селе Никольском Усманского уезда Тамбовской губернии в семье среднепоместного помещика, чей род восходил к XVI веку, ко временам Ивана Грозного. Его отец, Николай Николаевич, был образованным человеком, слыл добрым помещиком, служил уездным предводителем дворянства и много сделал для распространения грамотности среди народа, состоя некоторое время почетным попечителем уездного училища. В отличие от большинства помещиков уезда, он имел хорошую библиотеку, и Сергей рано серьезно «заболел» чтением, чем сильно радовал отца. Мать, Варвара Ивановна, урожденная Рахманинова,

¹ Терпигорев С.Н. (Атава С.). Собрание сочинений. В 6 томах. Т. 1. Ч. 1. СПб., 1899. С. V.

² Там же. С. XXXV – XXXVI.

³ Там же. С. XXIII – XXIV.

не блистала образованием, но обладала прекрасными душевными качествами, внося особую теплоту в семейную атмосферу⁴. Дворянский быт собственной семьи, начало ее разорения, оскуднение соседей – помещиков, возвышение роли купцов и чиновников в уездной жизни оставляли в памяти С.Н. Терпигорева глубокий след и яркие образы: «Автор «Оскуднения» начал себя помнить очень рано, едва ли не с шести лет, а в девять – десять лет он многое запоминал со всеми малейшими подробностями, довольно ясно и отчетливо сознавая все то, что происходило вокруг него. «Было бы гораздо лучше, – признается он, – если бы память моя была свободна от всего этого. Характер всех этих воспоминаний, обусловленный тогдашним временем и тогдашними нравами, очень уж тяжел, и носить всю жизнь в себе эту отраву нельзя безнаказанно...»⁵.

«Тяжелый характер воспоминаний» дореформенного и пореформенного разорения дворянских поместий, включая опыт собственной семьи, и лег в основу очерков «Оскуднение». Литературный жанр очерков был выбран не случайно: «Мне давно хочется как можно проще, безыскусственнее и нагляднее рассказать, как все это вышло, т.е. с чего и как началось наше оскуднение, и как дошли мы до теперешнего своего состояния. Рассказать это целым рядом воспоминаний, очерков и заметок для меня сподручнее, чем написать на ту же тему большую с цифрами статью»⁶.

Структура очерков разделена на две части. Первая часть, «Оскуднение. Благородные», называется «Отцы», где показана социальная и психологическая несостоятельность помещиков в первые пореформенные годы к адаптационным процессам буржуазного характера. Вторая часть очерков носит название «Матери», где на примере обобщений различных по характеру и психологическому восприятию новых веяний помещиц, показана непреодолимая грань между сложившимися стереотипами прежней дореформенной барской жизни и реальными возможностями найти себе достойное место в условиях начала межсословной эмансипации. С.Н. Терпигорев, как автор и представитель помещичьей среды, жалеет о прошедших временах, «оскуднении» дворянства, весьма в негативном свете рисует образы предприимчивых купцов и чиновников, в чьи руки переходят дворянские поместья. Но в то же время признает, что будущее именно за ними, за их деловой хваткой и умением вести дело.

Из всего цикла «Оскуднения», программным для понимания авторского видения причин разорения помещиков в дореформенный период и восприятию ими реформы 19 февраля 1861 года, с точки зрения провинциального помещика средней руки, является очерк «Увертюра». Само название очерка подразумевает вступление к сюжетам всего цикла, где заключены основные мировоззренческие принципы, касающиеся осмысления трагизма пореформенной модернизации поместного дворянства. Выстраивая авторскую концепцию оскуднения помещиков, С.Н. Терпигорев правомерно начал рассмотрение с причин и времени данного процесса: «Началось оскуднение, как известно, давно таки. Началось, разумеется, не вдруг, а понемножку, не так, как теперь валит... Обстоятельству этому, разумеется, предшествовали разные признаки, более или менее говорившие, что дни процветания сочтены и что идти дальше невозможно. Более прозорливые видели эти признаки, понимали их, задумывались над ними, но к сожалению не надолго. Как увидим ниже по природе своей, на такое вдумывание и немного было способных. Оттого, после выпития рюмки водки, мысли тот час же переходили на другие предметы... Я убежден, что скажу безусловную истину, утверждая, что помещики разорились и продолжают разоряться потому только, что никогда не делали того, что им следовало и следует делать. Мужики пашут, купцы торгуют, духовные молятся, а что делают помещики? Они занимались

⁴ Болдырев Ю.Л. Востребованное прошлое // Терпигорев С.Н. (Атава С.) Потревоженные тени. М., 1988. С. 5; Терпигорев С.Н. (Атава С.) Собрание сочинений. Т. 1. Ч. 1. С. V – VI, VIII.

⁵ Там же. С. VII.

⁶ Там же. С. 3.

и развлекались всем чем угодно – службой, охотой, литературой, амурами, Но только не тем чем им следовало заниматься»⁷.

Оскуднение помещиков, в самом деле, началось не за год – два до отмены крепостного права. Так, например, число курских мелкопоместных дворян с 8 по 10 ревизии сократилось с 4 680 до 3 299 или на 29,5 %⁸. Именно эта страата помещиков в социально – экономическом плане деградировала быстрее всего. Н.А. Карышев, рассматривая дворянское землепользование в Курской губернии уже в пореформенный период, отмечал, что мелкопоместные дворяне «не живут в своих деревнях, а состоят на службе в городе», добавляя: «Есть участки «не помнящие владельцев», обрабатываемые и оплачиваемые соседними крестьянами»⁹. То есть, имения были оставлены владельцами с незапамятных времен. Быстрыми темпами росла банковская задолженность поместных владельцев. В Воронежской губернии в 1855 году число залоговых имений достигало 905 и было заложено 164 029 ревизских душ. К 1859 году число залоговых поместий выросло до 1 529, а число ревизских душ – до 179 166¹⁰. Все это являлось свидетельством кризисных проявлений в российских поместьях. Терпигорев, выделяя в качестве главного критерия разорения помещиков нежелание поместных дворян непосредственно заниматься хозяйственными проблемами своих имений, был недалек от истины. Для значительного числа российских помещиков земля, до отмены крепостного права, не являлась объектом приложения капитала, а была финансовым источником личной реализации в «службе, охоте, литературе и амурах». Но являясь носителем помещичьего хозяйственного традиционализма, систему принудительного труда крепостных, как несомненный фактор экономической, отчасти и социально – психологической, стагнации и регресса поместий, Терпигорев не выделяет, даже в качестве второстепенной причины оскуднения.

Одной из основных причин помещичьего разорения, наряду с нежеланием дворян заниматься проблемами поместий, С.Н. Терпигорев видит в стремлении дворян, «прельщенных красивой военной формой», поступать на военную службу, тем самым надолго рвать все связи с родными поместьями. Автор искренне утверждает «... с уверенностью можно сказать, что если бы всеобщая воинская повинность была бы у нас введена двадцать – тридцать лет назад, помещичья раса не только не вырождалась бы, как теперь, но земля наша кишела бы помещиками и это был бы прелестный народ. Если бы великая военная реформа совершилась двадцать – тридцать лет назад, сердце и очи помещиков давно уже не прельщались бы красивыми экипировками, ибо они очень хорошо знали бы, что сыновья их, наряду со всеми, будут в известное время, год или два непременно, носить ту или другую красивую форму, и для этого нет никакой надобности делать их специалистами совершенно не того дела, которое будет их кормить, т.е. незачем отрывать их от земли. Но этого не случилось, и Ивановки, Петровки и Осинки, оставленные без присмотра, или, что еще хуже, поступившие под присмотр отставных департаментских чиновников или бывших носителей красивых форм, одна за другой стали «улыбаться» и переходить во владение к кулакам, к немцам, жидам, одним словом – куда и кому угодно, но только не к помещикам»¹¹.

Основная мысль данного высказывания сводится к тому, что отпрыски благородного сословия, считавшие военную службу истинно дворянской к тому же, прельщенные атрибутикой военной формы, порывали с землей, следовательно, ли-

⁷ Болдырев Ю.Л. Востребованное прошлое // Терпигорев С.Н. (Атава С.) Потревоженные тени. М., 1988. С. 5; Терпигорев С.Н. (Атава С.) Собрание сочинений. Т. 1. Ч. 1. С. V – VI, VIII. С. 4–5.

⁸ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1281. Оп. 6. Д. 64. Л. 7; Шепунова Н.М. Об изменении размеров душевладения помещиков Европейской России в первой четверти XVIII – первой половине XIX вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1963. Вильнюс, 1964. С. 409, 418.

⁹ Карышев Н.А. Итоги экономического исследования России по данным земской статистики. Дерпт, 1892. Т. 2. С. 98, 100.

¹⁰ Банковские долги и положение губерний в 1856 г. // Журнал МВД. 1860, февраль. Б.м. С. 207.

¹¹ Терпигорев С.Н. (Атава С.). Собрание сочинений. Т. 1. Ч. 1. С. 6.

шали себя навыков поместной хозяйственной деятельности, после чего поместья «улыбались» и переходили в руки представителей других сословий. Предотвратить этот процесс, с точки зрения Терпигорева, можно было бы проведением в более ранний период реформы всеобщей воинской повинности. Автор, вряд ли, не понимал, что военная реформа была следствием отмены крепостного права, и без раскрепощения крестьян она была бы невозможна. Одно вытекало из другого. Но его интересует здесь причина «оттока» дворянских отпрысков из поместий, и он видит ее в стремлении молодых помещиков поступить на службу, в первую очередь военную. Тем самым, переносится решение проблемы с экономической плоскости в плоскости реализации молодых дворян в других сферах, не связанных с сельскими усадьбами. Остается без внимания и тот факт, что основная масса помещиков оставалась все же на местах. С другой стороны, введение и на более ранних этапах основных принципов военной реформы не приостановило бы оскудение дворянских родовых гнезд. Ведь в пореформенный период, когда военная реформа была уже реализована, процесс «раздворянивания» частного земельного фонда заметно ускорился. В Курской губернии с 1863 по 1877 гг. земельный фонд дворян сократился на 11 %, а с 1877 по 1905 гг. – на 38,3 %, в Воронежской губернии – с 3,4 % до 36,8 %, соответственно¹².

Примечательно, что, с точки зрения автора, неразрывная связь с землей сделала бы из них «премилый народ». Вероятно, здесь подразумевается необходимая заинтересованность поместных дворян в личном характере ведения дел в имениях, которая бы изменила их образ жизни в сторону рачительного хозяина. Другого объяснения этого тезиса трудно дать, так как большая часть поместных дворян не собиралась в дореформенный период покидать свои имения. Но одно подмечено верно: это тенденция сокращения числа поместных дворян – земля «кишила бы помещиками», но происходило обратное.

Особый интерес для исследователей, изучающих отмену крепостного права, вызывает сюжет об общих настроениях провинциального поместного дворянства накануне реформы 19 февраля 1861 года. Здесь Терпигорев передает ту психологическую атмосферу, которая была характерна для большинства помещиков, сбитых с толку всевозможными слухами о предстоящей реформе освобождения крепостных крестьян. В частности, он указывает: «Ошеломленные всеми этими слухами и рассказами, как громом с безоблачного неба, Иваны Петровичи и Петры Ивановичи решительно не знали, что им делать. Кое какие грешки и счеты в прошлом, а главное перепуг перед неизвестным будущим, понятно, стянули все их мысли к заботе о спасении своих животов. Но и тут в этой заботе, в том, что предпринималось, с целью обезопасить себя, ясно видны были следы самого угнетенного умственного состояния: покупались ружья, сабли, приносились из кладовых заржавленные дедовские и прадедовские шпаги..., и которыми теперь их внуки собирались защищать свою жизнь от Сенек, Степок и т.д... Пишущий эти строки лишился в ту пору обоих своих дедов, покинувших этот свет чисто только с перепугу»¹³.

В данном сюжете тонко, хотя и не без определенной иронии, подмечен главный аспект социально–психологического дискомфорта помещиков накануне освобождения крепостных – «не знали, что им делать». Весь их жизненный уклад строился на почти безраздельном господстве и эксплуатации крестьян. Весь микромир помещика, представленный границами поместья, замыкался в структуре – «Я» и «Они», то есть Сеньки, Петьки, Феклы и т.д. Следовательно, пусть даже и отдаленная перспектива полной утраты контроля над крепостными не давала психологически четкой перспективы не только дальнейшей хозяйственной деятельности, но и всего жизненного уклада. Терпигорев не без основания описывает «покупку ружей, сабель» помещиками для «спасения своих животов». В.И. Семевский, рассматривая

¹² Шаповалов В.А. Дворянство Центрально – Черноземного региона России в пореформенный период. М., – Белгород, 2002. С. 234–236.

¹³ Терпигорев С.Н. (Атава С.). Собрание сочинений. Т. 1. Ч. 1. С. 10.

причины и размах крестьянских волнений в предреформенные годы, констатирует: «В 1850 г. волнения были в 24, в 1851 г. – в 22 имениях, в 1852 г. – в 33 имениях (в 19 губерниях), причем Черниговской и Тамбовской губерниях крестьяне оказали сопротивление даже губернатору и войску... За неповиновение помещикам было сослано в Сибирь крепостных в течение 20 лет (1827 – 1846 гг.) 1 030 человек (827 мужчин и 193 женщины)... Относительно 992 человек (799 мужчин и 193 женщины) известно из какой губернии они были сосланы; наибольший контингент ссыльных за неповиновение помещикам дали губернии: Курская – 54 мужчин и 36 женщин, Тамбовская – 54 мужчин и 26 женщин, Тверская – 52 мужчины и 13 женщин, Владимирская – 42 мужчины и 11 женщин и Воронежская – 33 мужчины и 10 женщин»¹⁴.

Родная Терпигореву Тамбовская губерния упоминается в лидерах крестьянских волнений и случаев неповиновения помещикам. Как известно из поговорки, «у страха глаза велики», ввод воинских подразделений в губернию для подавления волнений естественно породил массу слухов, и перспектива остаться «один на один» со «своими бывшими» после их освобождения вызывала у помещиков опасения за свои жизни.

Далее Сергей Николаевич увязывает тревожное психологическое состояние помещиков с нереальностью «приискания и выбора лучших систем будущего хозяйства»: «Очень естественно, впрочем, чего при господстве тогда подобного взгляда на ближайшее будущее и вообще на реформу и свою судьбу, когда предполагалось и предвиделось, что не только все наше имущество будет растащено и расхищено, но и само целомудрие жен и дочерей наших, вместе с их и нашей жизнью, будет подвергнуто серьезному испытанию, – тогда, мне кажется, от «нас» смешно было бы требовать забот о приискании и выборе лучших систем будущего нашего хозяйства», добавляя: «Такого общего пьянства, вызванного у одних потерей веры в свое будущее и обманутыми надеждами на скорое наступление лучшего будущего у других, кажется, в России еще никогда не было ни до, ни после этой эпохи. И это продолжалось вплоть до появления манифеста об улучшении быта помещичьих крестьян»¹⁵.

Нельзя не согласиться с автором, что психологический дискомфорт не способствует реализации не только новых видов деятельности, но и поддержанию прежних. Тревожные настроения помещиков, вызванные отсутствием четкого видения хозяйственной перспективы, находили выход в «апробированной» форме эмоционального расслабления – пьянстве. Неуверенность в своем будущем объективно заставляло всеми силами держаться за существующие реалии. Недаром, когда правительство в конце 1857 года разослало губернаторам и губернским предводителям дворянства рескрипт императора на имя великого генерал – губернатора В.И. Назимова, где была отражена правительственная программа освобождения крепостных крестьян, с просьбой высказать свое отношение к рескрипту, тамбовский губернский предводитель «выражал опасения за нерушимость прав дворян, заявляя о неподготовленности реформы, о долгах помещиков, о чрезполосности владений и прочее. Он прибавлял, что дворяне «благодарны за доверие», но желают обождать, чтобы «воспользоваться уроками опытности»¹⁶.

С.Н. Терпигорев, отражая дореформенное пессимистическое настроение провинциальных помещиков, не ставил себе в качестве задачи показать всю палитру социальных ожиданий накануне отмены крепостного права, которая, несомненно, присутствовала. Тамбовский помещик В.М. Андреевский в своих неопубликованных мемуарах, описывая конец 50–х гг. XIX века, подчеркивает: «Освобождение крестьян от крепостной зависимости уже было предрешено и ожидалось в дворянской среде одними – молодежью – с радостью и надеждами на светлое будущее; другими – стари-

¹⁴ Семевский В.И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX вв. СПб., 1888. Т. 2. С. 595, 597.

¹⁵ Терпигорев С.Н. (Атава С.). Собрание сочинений. Т. 1. Ч. 1. С. 12–13.

¹⁶ Корнилов А.А. Очерки по истории общественного движения и крестьянского дела в России. СПб., 1905. С. 177.

ками – с недоверием и страхом»¹⁷. Автора очерков интересовал в первую очередь, доминирующий спектр настроений, что и верно было отражено. Нельзя сбрасывать со счетов и личное отношение Терпигорева как помещика к отмене крепостного права. Он воспринимал реформу как объективную данность, но сожалел о прежних временах и упущенных возможностях помещиков по модернизации своих имений. Все это стало основой для выражений социального пессимизма в рассматриваемом очерке.

В помещичьей среде «Положение» об освобождении крепостных ожидалось с тревогой, подогреваемой возможными слухами: «Оно, конечно, в зобу дыханье спиралось и руки тряслись, когда в первый раз коснулись они знаменитой книги Положения 19 февраля; но смертного приговора себе в ней уже не рассчитывали прочесть. А когда начали читать, вдумываться и перечитывать без конца, усмотрели даже возможность устройства с «пейзанами», как называли тогда мужиков, при помощи более или менее остроумных экспериментов. Вообще, раскинув, как следует умом, мы пришли к тому заключению, что «шалить» «им» не дадут, а когда прошло еще с полгода, то увидели, что «мужички» и сами никаких поползновений на шалости не выказывают. Тогда и совсем уже успокоились и стали заниматься своим делом, как следует. Это «свое дело» в то время заключалось в заботе, как бы поставить «мужиков» в такое положение, чтоб они всегда «чувствовали» и чтоб мы сами, напротив совсем не чувствовали»¹⁸. Несмотря на общие тревоги помещиков, связанные с ожиданиями выхода «Положения» об освобождении крепостных, внутренне они уже были готовы к предстоящей реформе. Пугали их конкретные детали предстоящих социальных преобразований. В первую очередь, наделение крестьян землей, размеры и сроки выкупа. Само «Положение», для большей части помещиков, не было полным открытием. Через губернские дворянские комитеты до них доходили возможные детали будущей эмансипации. Введение временнообязанного состояния для бывших крепостных позволяло помещикам оставаться еще некоторое время в рамках привычного жизненного уклада, где бы «мужички чувствовали» свою зависимость и неразрывную связь с барином. Но чувство надвинувшихся новых реалий пугало помещиков. Это тонко подметил князь Е. Трубецкой, вспоминая первые пореформенные годы: «Внешние рамки быта были живым напоминанием о дореформенной Руси, но вместе с тем, все содержание жизни было ново»¹⁹. Именно новизна, отрицавшая привычный поместный традиционализм, и была фактором психологического помещичьего дискомфорта.

Разобравшись с основными документами «Положения» помещики «стали заниматься своим делом: «Место страха заняло чувство желчной мелочности, и хотя это чувство вообще не похвальное, но оно было тогда так присуще, что было причиной, что многие утеснения «мужикам» произошли без всякой надобности, а так себе, и благодаря этому чувству, мы испортили очень много благородной крови. Впрочем, некоторым это чувство принесло и пользу. Так, например, те из нас, которые сумели тогда спустить мужикам в надел землю «с песочком», ничего против этого не имеют и теперь, потому, что «мужики» нарасхват арендуют их землю, по цене гораздо более «приличной», чем у соседей»²⁰. «Желчная мелочность» выражалась в стремлении помещиков выделить крестьянам в надел неудобные земли, что вызвало противодействие последних. Решались эти конфликты при помощи мировых посредников, которые не всегда брали сторону «своих братьев» по благородному сословию. В итоге, распространенной практикой стали серьезные конфликты помещиков с мировыми посредниками. Л.Е. Оболенский отражает эту практику в своих «Картинках из прошлого», применительно к Орловской губернии: «Первое, что я увидел, подъехав к нашему городскому дому, была скромная вывеска «Съезд мировых посредников»...

¹⁷ Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. Р5328. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.

¹⁸ Терпигорев С.Н. (Атава С.). Собрание сочинений. Т. 1. Ч. 1. С. 19–20.

¹⁹ Кн. Евгений Трубецкой. Из прошлого. Вена, 1923. С. 7.

²⁰ Терпигорев С.Н. (Атава С.). Собрание сочинений. Т. 1. Ч. 1. С. 20.

Благодаря этому, мне удалось познакомиться с некоторыми из так называемых «посредников первого призыва... И в самом деле, если не все они, то, по меньшей мере, трое из них были фигурами не виданными в наших местах, уже потому, что носили, как, например, Рутцен, крестьянские костюмы и длинные волосы. Я не раз слышал, как приезжавшие помещики, страшно горячася, жаловались моему отцу на этого Рутцена, за то, что он все дела решает в пользу крестьян...»²¹.

Терпигоревский тезис, «когда уже и совсем успокоились и стали заниматься своим делом», применительно к первому пореформенному году, как уже отмечалось выше, носит усредненный характер, не выделявший крайностей во взглядах помещиков на свершившийся факт отмены крепостного права. Читая эти строки, перед глазами встает картинка какой – то умиротворенности и успокоенности помещиков, принявших условия реформы. Но была определенная, меньшая часть поместных дворян так и не смирившихся внутренне с освобождением крепостных. Известный историк русского зарубежья С.Г. Пушкарев рассказывает про своего деда – курского помещика: «При освобождении крестьян в 1861 г. Была напечатана и разослана всем помещикам толстая тетрадь, содержащая манифест 19 февраля и множество Положений о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. Так вот эта тетрадь осталась неразрезанной. Очевидно, дед мой Иван Степанович, не признавая права крестьян быть свободными, был так зол, что ни разу не заглянул в сей документ»²².

Самое сложное для помещиков на первых порах после освобождения крепостных было перестроить свои хозяйственные принципы, когда крестьяне были уже лично свободными, но находились в рамках временнообязанного состояния. Здесь была сложность не только психологического порядка, но и отсутствия четких представлений о ведении хозяйства без прежнего владения «крещенной собственностью». Конкретно это выглядело следующим образом: «Обойтись в хозяйстве без мужика или, правильнее, иметь в свое распоряжении мужика не с утра до ночи каждый день, как было прежде, а всего только (при издельной повинности) три дня в неделю, да притом и в эти то три дня определенное число часов – вот что было трудно. И ко всему этому целый ряд огорчений. Во-первых, «они» сразу узнали какие меры побуждения разрешаются и какие не разрешаются, так как было даже несколько примеров, когда, по старой привычке, будучи отправлены за непослушание к исправнику, для «наказания на теле», они возвращались оттуда ненаказанными и, вследствие сего, проезжая обратно мимо барского дома, смеялись и не ломали шапок, а на другой день, на работе в поле, при встрече с баринном, показывали вид, что совершенно его не замечают. Затем, при исполнении работ, леность выказывали чрезвычайную, можно сказать невероятную, и работали не только мало, но и эта малая работа была достоинства самого низшего»²³.

Терпигорев подчеркивает не только растерянность, но, и как следствие, неспособность помещиков обеспечить качество выполняемых работ руками временнообязанных крестьян. В Центральном Черноземье в первые пореформенные годы повсеместной практикой стало затягивание сроков работ на владельческих запашках, так как на работу крестьяне выходили по очереди, человек по 10-15 в день²⁴. Данную проблему пытались решить путем регламентации различных видов работ. Например, во второй половине 1861 года воронежским губернским по крестьянским делам присутствием было выработано «Урочное положение определения полевых работ на 1 день для 1 временного работника». Регламентация была детальной и охватывала весь цикл сельскохозяйственных работ. Так, при уборке урожая скосить озимого хлеба – 0,5 дес., овса и яровой пшеницы – 0,5 дес. Данный показатель уменьшался на 5 саж² на каждые полчаса прохода кре-

²¹ Оболенский Л.Е. Картинки из прошлого \ \ Исторический вестник. 1906. Т. 106. № 10. С. 128.

²² Пушкарев С.Г. Воспоминания историка. 1905 – 1945. М., 1999. С. 74.

²³ Терпигорев С.Н. (Атава С.) Собрание сочинений. Т. 1. Ч. 1. С. 21–22.

²⁴ Шаповалов В.А. Дворянство Центрально – Черноземного региона России в пореформенный период. С. 93.

стьян на поля, чьи селения находились от поля на расстоянии 6 верст²⁵. Это все не дало ожидаемых результатов, что и было видно из большого числа жалоб помещиков на качество выполняемых работ.

Модернизация поместных хозяйств, как и поддержание привычного «барского» быта, требовали больших денег, но их у большинства помещиков в наличии не было. Все надежды были на выкупные свидетельства и банковские процентные билеты: «И так соблазнительно, так желанно представлялась возможность получить деньги! Стоило только пустить мужиков на фюить, т.е. на выкуп, денежки тут как тут. Конечно, они являются в виде выкупных свидетельств, но маленькая скидочка – и у вас все те же деньги...»²⁶ Это подтверждают и российские экономисты конца XIX века, которые специально останавливались на этом вопросе. В частности, П.П. Мигулин указывал, что в начале 60-х гг. XIX века помещики в массовом порядке сбывали 5% банковские билеты, которыми обеспечивалась выкупная операция, по отношению к рублю как 10:6.²⁷ Фактически их продавали в два раза дешевле номинальной стоимости. В реальности «скидочка» была немаленькая.

Бытовые неурядицы и проблема поддержки поместья на плаву требовали значительных финансовых расходов. Инерция прежнего жизненного уклада помещиков предполагала постоянные траты: «...бумажки, полученные за выкупные свидетельства, отличались замечательной способностью уплывать между пальцами гораздо скорее и легче, чем когда они получались, бывало, за пшеницу, овес и т.д. Многие объясняли это тем, что первыми кинувшимися за «выкупными», т.е. «пустившими» мужиков на выкуп, были самые легковверные, самые истомленные, и потому ничего нет удивительного, что они поддались искушениям, увлечениям и, «воспитывая» детей, сделались жертвами своей нерасчетливости. И вот, когда все «выкупные» от первой до последней были сведены и когда, в то же время, ни потребность в «отдыхе», ни «в воспитании детей» не позволяли оставить столицы и города, то, понятно, что следовало прибегнуть к кредиту. Кредит же не представлялся опасным, потому что предполагалось повести хозяйство «по-новому», а это несомненно должно было поднять доходность имения».²⁸ Данный сюжет не касается всех страт дворян-помещиков. Жизнь в столицах и городах, имея потребность в «отдыхе» и приличном «воспитании детей», могли позволить себе только представители крупнопоместного и верхних слоев среднепоместного дворянства, владевших обширными поместьями.

Вырученные деньги от выкупных свидетельств и банковских билетов не покрывали всех помещичьих издержек: «Так как ведение «по-новому» хозяйства было еще в начале и, даже сказать существовало более в принципе, чем в действительности, а кредит был уже захлопнут, то естественным выходом из затруднительного положения представлялось продолжение реализации или, лучше сказать, ликвидации оставшегося имущества. Меню проедания этого имущества было вообще однообразно. Вся разница была только в том порядке, в котором подавались блюда. У одних, например, подавали вслед за выкупными, леса, у других – многолетнюю аренду, у третьих – вторую закладную, и все это подавалось под соусом из векселей, сохранных расписок и прочего. При такой обстановке продолжались «отдых» и «воспитание детей»²⁹.

Терпигорев отмечает, что ведение хозяйства «по-новому» было для помещиков делом будущего, а не реальностью. Временнообязанное состояние крестьян позволяло им оставаться еще некоторое время в рамках поместного хозяйственного традиционализма. Но среди перечисленного «меню», выставяемого на продажу помещиками, не указаны пахотные земли, выгоны, луга, которые пользовались на зе-

²⁵ Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. 26. Оп. 1. Д. 11.

²⁶ Терпигорев С.Н. (Атава С.). Собрание сочинений. Т. 1. Ч. 1. С. 22.

²⁷ Мигулин П.П. Русский государственный кредит (1869 – 1899). Харьков, 1899. Т. 1. С. 250.

²⁸ Терпигорев С.Н. (Атава С.). Собрание сочинений. Т. 1. Ч. 1. С. 23–24.

²⁹ Там же.

мельном рынке наибольшим спросом. Это указывает на всестороннюю осведомленность автора о процессах, происходивших в дворянских хозяйствах в первые пореформенные годы, так как в 60-е гг. XIX века поместные земли своими хозяевами активно не продавались. Например, в Воронежской губернии с 1863 по 1868 гг. (без учета Бирюченского уезда) дворянский земельный фонд не только не сократился, а, наоборот, вырос на 6,2 %. В Курской губернии, за этот же период времени, сокращение его составило всего 4,6 %³⁰. С 70-х гг. XIX века на губернском уровне прерывается тенденция к росту площади дворянских земель и заметно возрастают темпы сокращения поместного земельного фонда. Кредиты Терпигоревым упоминаются вскользь, хотя с середины 60-х гг. XIX века задолженность центрально-черноземных поместий росла угрожающими темпами. Так, в Воронежской губернии только с 1863 по 1866 гг. число залоговых имений увеличилось с 470 до 902³¹.

В завершающей части рассматриваемого очерка Сергей Николаевич обращается к традиционной для русской литературы второй половины XIX века теме «отцы и дети», но его не интересует сложный психологический комплекс столкновений двух мировоззренческих систем – пореформенного либерализма и консерватизма. Он показывает непомерные траты родителей – помещиков на образование детей в надежде, что они со временем будут в «больших чинах» и, тем самым, обеспечат себе и родителям достойную жизнь. Но отпрысков интересуют только отцовские деньги, которые прожигаются в городских кутежах, и это приводит к разорению родительских поместий³². Включение данного сюжета в программный очерк демонстрирует, что в помещичьей среде одним из факторов разорения были и затраты на образование подрастающего поколения. Терпигорев считает данный фактор одним из основополагающих. Вероятно, у него было много подобных примеров из жизни соседей – помещиков. В противном случае, автор вряд ли бы обратился к этой теме. В исследовательской литературе этот аспект фактически не освещен.

Очерки «Оскуднение» С.Н. Терпигорева несомненно являются ценным источником по истории российского поместного дворянства, особенно, что касается социальной психологии помещиков. Сергей Николаевич, излагая ход поместного «оскуднения», преломляет данный процесс через призму собственных переживаний в качестве среднеспоместного помещика. Это, собственно, и делает его очерки свидетельством непосредственного участия в «борьбе за существование нашего дворянского сословия».

RENUNCIATION OF SERFDOM AND THE RUSSIAN GENTRY IN ESSAY "UVERTYURA" FROM THE SERIES "OSKUDNENIE" BY S.N. TERPIGOREV (S. ATAVA)

V. A. SHAPOVALOV

Belgorod State University

e-mail: Shapovalov@bsu.edu.ru

The author considers views of S.N. Terpigorev on the causes of the pre-reform impoverishment of gentry, their socio-psychological perception of the serfdom renunciation and difficulties of the first post-reform years of reforming country estates.

Key words: nobleman, serfs, renunciation of serfdom, social psychology.

³⁰ Движение землевладения потомственных дворян с 1861 по 1897 гг. Приложение к отчету Государственного Дворянского Земельного Банка за 1896 г. СПб, 1898. С. 38–39; Извлечение из описаний помещичьих имений 100 душ и свыше. Воронежская губерния. Курская губерния. СПб., 1860. Т. 1. Данные за 1863 г. подсчитаны нами – В.Ш.

³¹ РГИА. Ф. 1281. Оп. 7. Д. 60. Л. 2; Там же. Д. 72. Л. 4.

³² Терпигорев С.Н. (Атава С.). Собрание сочинений. Т. 1. Ч. 1. С. 25–36.